

А. А. ШАХМАТОВ — БУРЖУАЗНЫЙ ИСТОЧНИКОВЕД

В. Т. Пашуто

Исследование и оценка научного творчества Алексея Александровича Шахматова (1864—1920), выдающегося русского буржуазного учёного-языковеда, источниковеда и археографа,— задача нашей науки, призванной дать марксистское освещение истории русской общественной, в частности исторической мысли, критически освоить наследство досоветской исторической науки.

Источниковедческие труды А. А. Шахматова в области летописания ещё не подвергались развёрнутой оценке с позиций марксистско-ленинской методологии. Более того, в течение длительного времени эти труды рассматривались целым рядом историков и историков литературы как чуть ли не определяющие методологию советского летописного источниковедения¹.

Долгое время историографию русского летописания делили на два периода — до Шахматова и после Шахматова, — причём так называемая школа Шахматова, сложившаяся в дореволюционную эпоху, рассматривалась в качестве основного направления и советского источниковедения.

Это нельзя признать правильным, потому что общественно-политические и исторические взгляды, методология творчества Шахматова типичны для буржуазного, а никак не советского источниковедения. Сторонники упомянутой периодизации истории источниковедения допускали явную переоценку «методологии» А. А. Шахматова, забывая о методологии марксизма-ленинизма.

Сказанное, разумеется, не означает, что мы должны нигилистически отвергнуть труды А. А. Шахматова. Напротив, нужно признать, что А. А. Шахматов сделал крупный вклад в летописное источниковедение, но источниковедение буржуазное, а потому от советских учёных требуется всесторонняя проверка и оценка работ Шахматова, для того чтобы решить, что в научном «наследстве» Шахматова должно быть решительно отвергнуто, а что и в какой мере приемлемо для советской науки.

Поскольку летописи являются важнейшим источником по истории России IX—XVI вв., постольку вопрос о методологии их исследования имеет более широкое значение. От его решения во многом зависит практическое осуществление сформулированной А. А. Ждановым задачи изучения прогрессивного процесса освобождения «естествознания и общественных наук из-под эгиды философии»², а значит (если говорить о русской философии эпохи феодализма), и марксистского изучения общественно-политической мысли и историографии раннефеодального периода (IX—XI вв.) и периода развитого феодализма (XII—XVI вв.).

¹ См., например, История СССР. Т. 1, стр. 78—80. М. 1939; то же, стр. 61—62, изд. 2. 1947; ср. М. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 12—14. Л. 1940; М. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1, стр. 53 и др. М. 1940; История русской литературы. Т. 1, стр. 258—259. М.-Л. 1941; Д. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 14 и др. М.-Л. 1947.

² А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., стр. 10. Госполитиздат. 1951.

В настоящей статье освещаются лишь некоторые вопросы, связанные с научным творчеством А. А. Шахматова, а именно его общественно-политические взгляды и исторические воззрения, исследование им вопросов источниковедения русского летописания.

Рассмотрение, хотя бы краткое, общественно-политических взглядов А. А. Шахматова необходимо потому, что, во-первых, они не раз подвергались искажению в изданиях, опубликованных уже в советское время³, и, во-вторых, выяснение этих взглядов позволит глубже вскрыть воззрения Шахматова на вопросы истории России и в конечном итоге облегчит правительную оценку его источниковедческих трудов.

Развитие общественно-политических и научных взглядов А. А. Шахматова было ограничено рамками истории русской буржуазной общественно-политической мысли и может быть разделено на три периода: первый охватывает время от выхода в свет первой научной работы Шахматова (1881) до буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., когда Шахматов окончательно сформировался как буржуазный деятель; второй заканчивается Великой Октябрьской социалистической революцией, ознаменовавшей крах его общественно-политических взглядов; третий, самый короткий, послеоктябрьский период, когда А. А. Шахматов, оставаясь на старых, буржуазных позициях, вёл некоторую практическую преподавательскую и научную работу в советских учреждениях.

А. А. Шахматов рано обнаружил себя как учёный. Выходец из неродовитой, но состоятельной⁴ дворянской семьи, он получил хорошее домашнее образование⁵; уже на школьной скамье проявил незаурядные дарования языковеда. Пятнадцатилетним гимназистом он познакомился в

³ В советское время опыт освещения научного творчества А. А. Шахматова, а также его общественно-политической деятельности предприняла значительная группа учёных, выпустившая в 1922 г. в свет том «Известий» Отделения русского языка и словесности Академии наук, посвящённый памяти Шахматова. Здесь были, в частности, опубликованы статьи С. Ф. Платонова и Ю. В. Готье, посвящённые Шахматову как историку (ср. П. Бузук. Взгляды А. А. Шахматова на доисторические судьбы славянства — «Известия» Отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС АН), т. XXII, кн. 2-я. 1918. П. 1921, стр. 150—179); статьи М. Д. Приселкова и А. Е. Преснякова, характеризующие Шахматова как источниковеда, статьи Д. Петрова и П. Сакулина, освещающие его общественно-политические взгляды, и т. д. Весь этот том напечатан с позиций буржуазной методологии, в духе ялохо скрываемой враждебности к Советскому государству. Авторы тома задались целью превознести сверх всякой меры заслуги Шахматова, чтобы таким образом воспеть буржуазную науку периода империализма (см. ИОРЯС АН. 1920, т. XXV. П. 1922, стр. 137, 138, 268 и др.). Важно отметить, что Д. Петров и П. Сакулин фальсифицировали общественно-политические взгляды Шахматова. Шахматов находился «в первых рядах той части профессуры, которая выносила на своих плечах главную тяжесть освободительной борьбы», — писал один (там же стр. 147); «он никогда не примешивал публицистики к своим учёным исследованиям», но притом «парод с его бытом, творчеством и языком в конце концов составлял ту главную ось, которая проходила сквозь всю научную общественную деятельность А. А. Шахматова», — утверждал другой (там же, стр. 308). Прямым продолжением этой линии, направленной на искажение научного и общественного облика Шахматова, явились, во-первых, воспоминания его сестры, Е. А. Масальской, посвящённые детству Шахматова, написанные в духе дворянских мемуаров недоброго старого времени (см. Е. Масальская. Повесть о брате моем А. А. Шахматове, ч. I. Легендарный мальчик. М. 1929); во-вторых, летопись жизни и научно-общественной деятельности учёного, подготовленная С. Шахматовой-Коплан и Б. Коплан. Сообщив в предисловии, что их издание является «извлечением наиболее важных биографических фактов из обширных материалов, собранных семьёй покойного академика» (см. «Алексей Александрович Шахматов». Очерки по истории знаний, вып. VIII, стр. 1. Л. АН СССР. 1930), издатели на деле либо скрыли важнейшие факты его общественно-политической деятельности, либо передали их в извращённом виде (см., например, стр. 47, 58 и др.). В том же духе выдержан и обзор бумаг А. А. Шахматова, сделанный С. А. Ерёминым (см. С. Ерёмин. Бумаги акад. А. А. Шахматова. ИОРЯС АН. Т. II, кн. 2-я. стр. 675—686; см. стр. 678. Л. 1929).

⁴ См. «Известия» АН СССР. Отделение гуманитарных наук №№ 7 и 8. 1929. стр. «Исторический архив». Т. 7, стр. 46—95. М.-Л. 1951.

⁵ См. Е. Масальская. Указ. соч., стр. 28—36 и др.

1879 г. с виднейшими московскими профессорами Н. И. Стороженко и В. Ф. Миллером, затем с Ф. Ф. Фортунатовым, который «принял его всецело под свое руководство»⁶, и, наконец, с Ф. Е. Коршем и И. В. Ягичем. Благодаря этому А. А. Шахматов получил возможность посещать научные семинары в университете, вести научно-исследовательскую работу, изучая древние рукописи, публиковать результаты своих исследований⁷, а также принимать участие в научных диспутах, как это было в 1882 г., когда А. А. Шахматов выступил в качестве неофициального оппонента при защите А. И. Соболевским магистерской диссертации⁸.

Закончив гимназию с серебряной медалью, А. А. Шахматов в 1883 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. По окончании университета в 1887 г. он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности. Весной 1890 г. А. А. Шахматов выдержал магистерский экзамен и прочёл две пробные лекции по проблемам, определившим его дальнейшую научную работу: одну — о составе «Повести временных лет», другую — по вопросам языкознания.

Избегающий «нигилистов» гимназист⁹, земский начальник в годы реакционных контрреформ 1889—1894 гг.¹⁰ — таково общественно-политическое лицо Шахматова в ту пору.

В марте 1894 г. А. А. Шахматов защитил магистерскую диссертацию «Исследование в области русской фонетики», за которую ему сразу была присуждена степень доктора русского языка и словесности¹¹. Вскоре он получил официальное признание, став адъюнктом Академии наук (1894), экстраординарным (1897), а затем ординарным академиком (1899).

В начале XX в. в Россию переместился центр мирового революционного движения. Подъём политической борьбы рабочего класса, руководимого революционными социал-демократическими комитетами, вдохновляемого и организуемого ленинским «Искрой», оказал значительное влияние на рост оппозиционного студенческого движения в стране, которое являлось «признаком политического банкротства современного строя»¹².

В эти годы Шахматов был в числе тех либеральных помещиков и буржуа, которые, боясь «крайностей» царизма, ещё больше боялись революции¹³. Подписав так называемое «заявление 99» деятелей на имя министров внутренних дел и юстиции в знак протеста против кровавой расправы правительства над студенческой демонстрацией 4 марта 1901 г., Шахматов поспешил в этом раскаяться¹⁴, а также опубликовать серию статей, в которых поддерживал пресловутое «сердечное попечение» правительства о молодёжи и искал путей ликвидации студенческого движения посредством реформ, призванных укрепить существующую систему университетского образования¹⁵.

⁶ А. Шахматов. Автобиография. ИОРЯС АН. Т. XXV, стр. 4. П. 1920.

⁷ См. «Archiv für slavische Philologie». Bd. V, S. 613—623. 1881; Bd. VI, S. 590—597. 1882.

⁸ См. П. Лавров. Первые годы научной деятельности А. А. Шахматова (ИОРЯС АН. Т. XXV, стр. 48. 1920). Заключение А. А. Шахматова о диссертации было опубликовано в виде рецензии в «Archiv für slavische Philologie». Bd. VII, S. 57—77. 1883.

⁹ См. Е. Масальская. Указ. соч., стр. 103, 209—210, 246.

¹⁰ См. сборник «А. А. Шахматов», под ред. С. П. Обнорского, стр. 76. М.—Л. 1947; ср. П. Сакулин. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова. ИОРЯС АН. Т. XXV, стр. 309. 1920.

¹¹ См. А. Шахматов. Автобиография, стр. 5.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 65. 4-е изд.

¹³ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 29.

¹⁴ См. Архив Академии наук СССР (в дальнейшем ААН), ф. 134, оп. 1, № 412, л. 12; ср. лл. 17, 15—16, 18, 14.

¹⁵ См. статьи А. Шахматова: Н. И. Пирогов об университетах. «СПБ ведомости» № 86 за 1901 г.; Ещё об университетах (там же, № 96); Служебные преимущества университетов (там же № 109); Чем должен дорожить университет (там же № 183).

Ревностно занимаясь распространением в России идей буржуазного либерализма, Шахматов в течение 1889—1904 гг. подготовил к печати и издал собрание сочинений одного из наиболее хитрых и «благонамеренных» либералов¹⁶ второй половины XIX в. — А. Д. Градовского¹⁷; на дочери которого Шахматов был женат. И, конечно, не случайно именно в эти годы Шахматов решил вспомнить «идеалы» Градовского и в своём очерке его жизни и деятельности (опубликованном в 1904 г.) подчеркнуть «достоинства» русских либералов в борьбе с революционерами и с «крайними» реакционерами, за мирную «прогрессивность», отмечая одновременно, что либералы — партия «правительственная», монархическая¹⁸. С началом революции, когда развитие рабочего и крестьянского движения «заставило либеральную буржуазию серьезно зашевелиться»¹⁹, когда пролетариат боролся, а буржуазия прокрадывалась к власти, Шахматов ещё яснее изложил те же мысли в объяснении президенту Академии наук по поводу своего участия в известной «Записке 342 ученых»²⁰.

Занятая Шахматовым позиция нашла одобрение и в правительственных сферах и в кругах либерально-монархической буржуазии, поэтому революцию 1905—1907 гг. он встретил не только как член Государственного совета по академической курии, но и как член центрального комитета партии кадетов.

Находясь в составе руководства контрреволюционной кадетской партии (до августа 1907 г.)²¹, Шахматов активно отстаивал интересы русской либерально-монархической буржуазии, о чём свидетельствует, например, его записка «О политической забастовке» (конец 1905 — начало 1906 г.), в которой автор обосновывал необходимость перемены тактических лозунгов кадетской партии после подавления декабрьского вооружённого восстания. Лицемерные публичные заявления против вовлечения Академии наук в политику²², с одной стороны, и поиски наилучших средств борьбы против революционного народа, за власть буржуазии — с другой, характеризуют политическое лицо академика-кадета А. А. Шахматова в это время.

Сохранились и другие материалы о политической деятельности А. А. Шахматова в годы революции. Так, летом 1906 г. он выступал в Государственном совете за отмену смертной казни, но в основе его позиции лежало прежде всего стремление избежать разногласий с Думой, внутри законодательных органов, и возможно скорее «внести успокоение в умы»²³. Характерно и его выступление по вопросу об амнистии, в котором Шахматов предлагал «рассматривать как участников одного массового преступления в обширном смысле этого слова» и тех, кто борол-

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 40.

¹⁷ А. Градовский. Соч. Т. I—IX. СПб. 1889—1904.

¹⁸ См. А. Градовский. Соч. Т. IX, стр. VII—VIII. СПб. 1904. В 1905 г. в разгар обсуждения и либеральной буржуазией и Академией наук поставленного революцией вопроса о свободе печати Шахматов опубликовал сборник статей Градовского, посвящённых этой теме. См. А. Градовский. О свободе печати (без даты); ср. Заключение Академии наук о свободе печати в России, написанное А. А. Шахматовым и А. С. Лаппо-Данилевским (заседание общего собрания Академии наук 24 марта 1905 года. Протоколы АН № V. Приложение I, стр. 1, 9, 32); ср. также «Материалы по истории русской науки, литературы и общественной жизни», под ред. Н. С. Державина. Из переписки деятелей Академии наук, серия II, изд. Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, стр. 114. Л. 1925.

¹⁹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 59.

²⁰ ААН, ф. 134, оп. 1, № 414, лл. 3, 5, 3 (об.).

²¹ Там же, оп. 1, № 395а, л. 7; ср. лл. 55—56.

²² См. заявление, написанное А. А. Шахматовым от имени Академии в октябре 1905 г., содержащее протест против занятия правительственными войсками двора и здания Академии наук в Петербурге «для целей, ничего общего с учреждением АН не имеющих» (там же, № 414).

²³ См. там же, № 254, лл. 6—7.

ся за свободу, и тех, кто потопил в крови эту борьбу, и «покрыть эти насилия и правонарушения общим актом амнистии»²⁴.

Либерально-буржуазное мировоззрение Шахматова определяло и его взгляд на национальный вопрос, как это видно из относящейся к 1910 г. статьи «О государственных задачах племен, населяющих Россию»²⁵. Тот факт, что в условиях царской России даже буржуазная трактовка национального вопроса вызывала грубые окрики со стороны официальной прессы²⁶, не меняет, разумеется, нашей оценки существа этой трактовки.

В годы реакции Шахматов старательно укрывался за щитом «внепартийной» науки²⁷, но в то же время, как это было, например, в дни событий 1911 г. в Петербургском университете, когда передовое студенчество и прогрессивная профессура протестовали против политики правительства, руками министра просвещения Кассо душившего научный прогресс в стране, Шахматов в качестве члена совета университета искал средств с помощью «морального воздействия на студенчество» подавить студенческое движение²⁸, не останавливаясь перед сознательным обманом баствовавших студентов²⁹.

Свержение царизма в 1917 г. Шахматов приветствовал. Об этом он поспешил сообщить в поздравительном письме одному из главарей партии империалистической буржуазии, П. Н. Милюкову³⁰. Оценивая по «заслугам» деятельность А. А. Шахматова, пленум центрального комитета кадетской партии «Народной свободы» 10 апреля 1917 г. кооптировал его в состав комитета³¹.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Шахматов встретил враждебно. Крах буржуазно-помещичьей России был и его собственным крахом. «Я креплюсь, — писал он, — но чувствую упадок сил, думаю, скорее от моральных причин. Ведь мы хороним Россию, т. е. то, с чем связаны все наши симпатии, все наши надежды, все прошлое наше»³². В 1919 г., когда в Советской России, героически отражавшей натиск многочисленных врагов, всё же был обеспечен выход в свет книги Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени», он писал Е. Ф. Будде: «Вы верно схватили основной мотив нашей скорби: мы плачем о гибели русской культуры, о развале нашей духовной силы»³³.

Контрреволюционные разглагольствования Шахматова о гибели России и её культуры выглядят особенно недостойно, если учесть то внимание, которым советская власть окружила учёных и самого Шахматова. Вопреки домыслам ряда буржуазных историков нужно подчеркнуть, что Шахматову были созданы необходимые материальные условия для научной работы, которой он, сверх работы в Академии наук и в университете, имел возможность уделять «несколько часов» в день³⁴.

²⁴ «К вопросу об амнистии» (газета «Речь» № 67 за 1906 г., подпись: «Член государственного совета»); см. также газету «Страна» № 64 за 1906 год.

²⁵ ААН, ф. 134, оп. 2, № 291, лл. 1—2. Поэтому нельзя признать правильной оценку, которая дана А. А. Шахматову в предисловии к публикации документов по истории славяноведения. Там отмечается, что вновь начатое Шахматовым издание «Известий» ОРЯС АН «было свободно от тенденций панславизма, носило более независимый академический характер» («Документы по истории славяноведения в России», стр. IX. М.-Л. 1948).

²⁶ См. Л. Волков. Два академика («Московские ведомости» № 104 за 1915 год).

²⁷ См. ААН, ф. 134, оп. 1, № 410/1, л. 58.

²⁸ См. там же, № 252, л. 4; ср. лл. 27—27 об.; ср. лл. 9—10, 13

²⁹ См. там же, лл. 1, 4 об., 7.

³⁰ Там же, № 410/1, № 42.

³¹ См. там же, № 395а, лл. 82, 83.

³² Там же, ф. 134, оп. 4, № 4, л. 104 об.

³³ Там же, л. 101/об, ср. л. 50/об.

³⁴ См. там же, лл. 104—104/об.; ср. л. 95

Незадолго до смерти Шахматов сообщил В. А. Пархоменко о том, что закончил статью о Татищеве, «теперь думаю засесть за курс для Археологического института — «История этнографии Восточной Европы»³⁵. Смерть 16 августа 1920 г. прервала деятельность А. А. Шахматова. Послеоктябрьский период работы Шахматова был слишком коротким для того, чтобы судить о возможной в дальнейшем эволюции его общественно-политических и научных взглядов.

Итак, рассмотрение общественно-политических взглядов Шахматова позволяет сделать вывод, что он был кадетским общественным деятелем. Эволюция его взглядов неразрывно связана с развитием русской либерально-монархической буржуазии.

Суждения А. А. Шахматова по вопросам истории Руси имеют, в сущности, ограниченный научный интерес: Шахматов был прежде всего языковедом и лишь постепенно, через занятия так называемой этнологией, продвигался к изучению истории. Но поскольку исторические взгляды Шахматова во многом определили характер его текстологических исследований летописей и поскольку в советской историографии безоговорочно высказывалось мнение о Шахматове как «первоклассном историке», необходимо хотя бы кратко коснуться этого вопроса.

Из всех исторических проблем специальное внимание Шахматова привлекала история славянских племён Восточной Европы до возникновения древнерусского государства. Разработку этого вопроса он справедливо считал необходимой предпосылкой исследований по истории языка. Но и другие вопросы истории, в частности истории Руси до образования централизованного государства, нашли отражение в работах Шахматова.

Ознакомление со взглядами Шахматова на русскую историю позволяет сделать следующий вывод. В полном соответствии с традициями буржуазной историографии Шахматов рассматривал передвижения и скрещивания «племен» формально, в отрыве от анализа материальных условий их жизни; в созданных Шахматовым схемах многочисленные «племена» существуют вне истории, Шахматов передвигает и комбинирует их по своему усмотрению, при этом он некритически следует зарубежной, главным образом немецкой, буржуазной империалистической историографии в трактовке вопросов этногенеза народов Восточной Европы. Говоря о «древнейших судьбах русского племени», Шахматов также полностью исключает вопросы экономики, материального производства, политических отношений; он постоянно смешивает строй догосударственный с государственным; образование русского государства он приписывает норманнам; в понимании истории русского государства он во многом приближается ко взглядам Ключевского.

Для примера остановимся на вопросе о том, как Шахматов понимал этногенез русского славянства и как трактовал возникновение древнерусского государства.

Основываясь на данных зарубежной филологии и исходя из своей насквозь идеалистической³⁶ концепции о языке, Шахматов не признавал славян коренным населением основной территории Руси. Он считал «исконную нижеследующую группировку народов, обитавших в западной половине Европейской России: на юге сидели иранские племена (скифы и пр.), севернее их — современные прибалтийские финны, севернее этих финнов — литво-латыши, севернее литво-латышей — славяне; севернее славян жили лапландцы (лопари), повидимому, раскинувшиеся далеко и

³⁵ Там же, № 46, л. 50.

³⁶ См. А. Чикобавиа. Состояние и задачи советской науки о языке. «Известия» Отделения литературы и языка АН СССР. Т. IX, вып. 2-й, стр. 97, 94. 1950.

к северо-востоку, где, правда, немногочисленными группами они могли соседить с сидевшими к югу от них поволжскими и даже северо-восточно-финскими племенами»³⁷.

Считая германцев «естественными проводниками средиземноморской культуры» среди славян, литво-латышей и финнов, Шахматов признал их исконным населением Повислинья, которое будто бы лишь впоследствии было занято славянами и частью пруссами. Вследствие этого исконную «прародину» славян Шахматов ограничивает бассейном Западной Двины и нижнего течения Немана³⁸, где славяне якобы обитали до II в. нашей эры.

Каким же образом Русь стала славянской? Когда готы во II в. н. э. почему-то направились из Повислинья на юг, славяне тоже «двинулись из своей прародины на юго-запад и заняли Повислинье». При этом произошло выделение западных славян. После падения гуннского владычества во второй половине V в. и продвижения готов на запад славяне вышли из Повислинья на юг и вследствие этого распались на две ветви — южных и восточных славян (русские)³⁹. Таким образом, к VI веку русские славяне заняли область между Прутом и Днепром; это и была собственно их первая прародина⁴⁰. Но так как им грозили авары (VI в.) и болгары (VII в.), то «чувство самосохранения» заставило славян переселиться в более северные области вверх по Днепру и Днестру. Эти области и стали «колыбелью русского племени, русской прародиной».

Кого же застали на Руси пришедшие наконец сюда славяне? По одному из предположений Шахматова, средняя Россия была колонизована польскими племенами⁴¹, и поэтому русским славянам, чтобы занять северное Поднепровье, пришлось «пробиться к северу через польскую среду»⁴²; пробившись, они уже в VIII—IX вв. пошли дальше, в области Западной Двины и Ловати.

Таким образом, по представлениям Шахматова, русские славяне имели две прародины, находясь в составе славянства в целом, а затем, обособившись, — ещё две, притом до занятия территории Юго-Западной Руси в течение II—IX вв. они прошли по кругу от Западной Двины и Немана на Вислу, оттуда на Дунай, далее в Киево-Волынский район, из которого наконец «пробились» к той же Западной Двине. Эта идеалистическая схема, основанная на реакционной германской индоевропеистике, опровергнута нашей современной исторической и археологической наукой (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков).

Образование древнерусского государства рассматривается Шахматовым в плане некоей борьбы «новгородского севера с черноморским югом», столкновения «двух культурных миров, некогда разобщенных», — «балтийского» («скандинавского») и «черноморского» («византийского»). В IX веке «накопившиеся материальные силы» побудили представителей балтийского культурного мира «пробиваться» к югу⁴³. Сами славяне не были в силах объединить эти два мира, объединения они достигли лишь «под руководством верховодивших на севере скандинавов»⁴⁴. Последние воспользовались великим водным путём «в своих целях и в ре-

³⁷ А. Шахматов. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. «Известия» АН № 9, стр. 710—711. 1911.

³⁸ См. там же, стр. 711—712; ср. его же. Введение в курс истории русского языка, ч. I, стр. 32. Птрг. 1916.

³⁹ См. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, стр. 45.

⁴⁰ См. там же, стр. 46.

⁴¹ См. А. Шахматов. Древнейшие ляхские поселения в России. Журнал «Славянство» № 4—6 за 1911 г., стр. 24. СПб; ср. его же. Введение в курс, стр. 48.

⁴² Там же, стр. 27.

⁴³ См. А. Шахматов. Рецензия на книгу В. Пархоменко «Начало христианства Руси». Полтава. 1913; «Журнал министерства народного просвещения» № 8 за 1914 г., стр. 344.

⁴⁴ А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, стр. 65.

зультате скрепили единство восточных славян и создали русское государство»⁴⁵.

Конкретизируя эту антинаучную схему, Шахматов говорил о трёх этапах в «создании» древнерусского государства, поставив их в зависимость от мифической разницы положения варягов на севере и на юге Руси. На севере, где якобы господствовал «племенной быт», варягам негде было развернуться, зато на юге, где была «городская и волостная жизнь», «появление варягов в городах меняет весь строй жизни этих городов и тянувших к ним волостей». Шахматов отмечал, правда, что «элементы для создания здесь государства были давно наличию». Но что это за элементы? Их «подготовил... городской быт, развившийся под влиянием Византии и ее крымских колоний, подготовила вековая цивилизация, издавна оседавшая на северных берегах Черного моря: сначала иранцы, потом греки, позже римляне, наконец, готы, а в последнее время самое культурное из тюркских племен — хазары являлись носителями высших форм быта, как будто противопоставляя их всеограждающему потоку диких варваров, искони веков проходивших через южную Россию».

Как видим, в схеме Шахматова роль самих славян в истории Руси исчезла вовсе, они лишь объект воздействия иранцев, греков, римлян, готов, хозар, к которым Шахматов добавляет и норманнов. Послушаем самого Шахматова: «Недоставало только силы, которая соединила бы и оживила все эти элементы культуры и цивилизации. Сила эта явилась в лице Руси (варягов.— В. П.), именем которой назвались и созданное ими государство и покоренные ими племена»⁴⁶.

Схема древнейшей истории Руси Шахматова, пожалуй, наиболее показательна из всего созданного русской либерально-монархической историографией периода империализма по данному вопросу, потому что Шахматов не сумел прикрыть её всевозможными наукообразными софизмами, а представил во всей непривлекательной, глубоко антинаучной и антипатриотической наготе.

Суждения Шахматова и по вопросам этногенеза и относительно проблемы образования древнерусского государства — свидетельство кризиса, регресса русской буржуазной науки.

Нет надобности входить в детальное рассмотрение этих суждений, так как современная советская историческая и археологическая наука доказала, используя материалы раскопок и свидетельства греческих и латинских источников, что славянские племена уже с первых веков н. э. занимали значительные территории не только в Прибалтике и Повислинье, но и в Прикарпатье и Поднепровье; кроме того нашей наукой (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков и др.) установлено, что анты и склавины были прямыми предшественниками населения древнерусского государства и что именно они нанесли «окончательный удар старому рабовладельческому миру»⁴⁷. Следовательно, вопреки «норманской теории» — продукту модификации взглядов националистической германской историографии, — древнерусское раннефеодальное государство IX в. явилось не началом исторической жизни русского славянства, а было итогом длительного, уже пройденного им исторического пути⁴⁸, причём анты и сменившие их через два — два с половиной столетия росы-русы представляли собою лишь два этапа в формировании русской народности⁴⁹. Наконец, вся схема Шахматова, как типично буржуазная, стоит вне связи с внутренней социально-экономической и политической жизнью восточного славянства. По мнению Шахматова, «племена», как нечто неизменное и в то же

⁴⁵ А. Шахматов. Указанная рецензия на книгу В. Пархоменко, стр. 346.

⁴⁶ А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 59—60. СПб. 1904.

⁴⁷ П. Третьяков. Восточно-славянские племена, стр. 73; ср. стр. 7. М.-Л. 1948.

⁴⁸ См. Б. Греков. Киевская Русь, стр. 18—22 и др. М.-Л. 1944; П. Третьяков.

Указ. соч., стр. 75.

⁴⁹ См. там же, стр. 116.

время неопределённое, «влекутся», «прорываются», «перемешаются», а затем из них же норманны, опираясь на днепровский торговый путь, создают государство, смысл которого понимается Шахматовым близко к трактовке Ключевского, в духе обычной для буржуазной науки «идеи государственного блага».

До конца своих дней Шахматов оставался на этих антинаучных позициях. Сообщая в апреле 1920 г. В. А. Пархоменко о выходе в свет своей работы «Древнейшие судьбы русского племени», Шахматов писал: «Между прочим, я окончательно утвердился в том, что первое русское государство... основано было на севере и имело центром Холмгард, современную Старую Руссу. Вы видите, я неисправимый норманист»⁵⁰.

Кстати сказать, в этом вопросе Шахматов весьма ярко обнаружил свою буржуазную ограниченность и как источниковед. Легенда о «призвании варягов», много веков находившаяся на вооружении идеологов феодального государства, была использована и русской буржуазной наукой. Это и понятно, ибо, как указывал В. И. Ленин, «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономики и публицистики, как вопрос о государстве»⁵¹. Естественно, что политические воззрения Шахматова целиком определяли его источниковедческий подход к данной проблеме.

Возражая тем, кто пытался с буржуазных же позиций полемизировать с норманистами, Шахматов писал: «Учение норманистов представляется только естественным развитием и расширением утверждений нашей летописи. Можно понять тенденциозность Байера или Шлёцера, Смита или Томсена и объяснять ее какими угодно соображениями, симпатиями, предрассудками; норманизм Карамзина и Погодина, Соловьева и Ключевского можно выводить из их излишнего доверия к летописи и недостаточно критического к ней отношения. Но на чем основывался родоначальник норманизма Нестор? Думаю, что перед его глазами особенно ярко выступали некоторые явления нашей древней исторической жизни и что он пожелал их осмыслить; Нестор, в противоположность нам, позднейшим исследователям, стоял лицом к лицу перед явлениями, а не только перед письменными их отражениями в памятниках. И уж по тому самому теория Нестора, теория норманистов, имеет для нас особое значение»⁵².

Весьма показательны, что Шахматов, заметивший в одной из работ, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы», в то же время оказался бессильным даже задуматься над политическим смыслом легенды о «призвании варягов» в труде придворного книжника XII в., оставившего нам весьма тенденциозную схему древнейшей истории Руси.

Ещё более беспомощны воззрения Шахматова на историю Руси IX—XV веков. Здесь у него вообще отсутствовала какая-либо связная историческая схема. Поддержание единства государства, борьба с внешними врагами и осуществление культурных задач общерусского характера (сюда включалось и распространение христианства) — таково содержание и смысл великокняжеской власти на Руси до XII века. При этом «племена» наряду с князем продолжали сохранять значение крупной политической силы; лишь к середине XII в., по мнению Шахматова, наступает окончательное разрушение старинного племенного союза, внешним показателем чего является падение Киева (1169 г.).

⁵⁰ ААН, ф. 134, оп. 4, № 46, л. 49/об.; ср. В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим. Журнал «Крайна». Кн. 6-я. К. 1925, стр. 128; ср. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар. Историко-литературный сборник, посвящённый В. И. Срезневскому. Лгр. 1924.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 434—435.

⁵² А. Шахматов. Указанная рецензия на книгу В. Пархоменко, стр. 342.

В дальнейшем «нашествие татар, смявших половцев, завершило на юго-востоке то, что началось еще во второй половине X века»⁵³, оно якобы способствовало укреплению и возвышению Москвы. Татары «содействовали... исчезновению последних следов племенной жизни, вызвали необходимость усиления областных, земельных отношений и таким образом в значительной степени способствовали образованию обширных государств на русской территории»⁵⁴.

Оправившись от последствий нашествия, эти государства, западное — «Литовско-Русское» и восточное — «Московское», начали колонизационное движение к югу, что и следует считать важнейшим явлением народной жизни всего последующего периода.

Как видим, и во взглядах на историю IX—XV вв. Шахматов не выходил за рамки дворянско-буржуазной науки; более того, его взгляды кое в чём стояли ниже буржуазной исторической мысли XIX—XX вв., которая создала ряд значительных исследований отдельных экономических явлений в истории древней Руси.

Таковы исторические воззрения А. А. Шахматова. Они, следовательно, составляют органическую часть русской буржуазной историографии периода империализма.

Источниковедческие работы Шахматова были подготовлены длительной предшествующей историей русского дворянского и либерально-монархического источниковедения (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, П. М. Строев, М. П. Погодин, И. Д. Беляев, С. М. Соловьёв, И. И. Срезневский, М. Н. Сухомлинов, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.), языковедения и археографии. Это отмечал и сам Шахматов, говоря, что он «начал исследование Повести временных лет при особенно благоприятных обстоятельствах: он имел серьезных предшественников... при разработке обширного рукописного материала; он имел надежные пособия в... изданиях Археологической комиссии»⁵⁵.

Русские источниковеды немало сделали для изучения летописей и особенно древнейшего летописания, так называемого «Нестора». Были поставлены и начаты разработкой такие вопросы, как неоднородность состава летописей, определение внелетописных источников (М. Н. Сухомлинов), сравнительно-текстологическое изучение объёма древнейших летописей, в первую очередь Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской (И. Д. Беляев, И. А. Тихомиров, К. Н. Бестужев-Рюмин, И. П. Сенигов), их классификации (И. Д. Беляев).

Рассматривая летописи как своего рода палимпсесты, «на которых сквозь начертанные вновь, хотя и древние письмена, виднеются другие, вытертые, еще более древние»⁵⁶, эти источниковеды (И. И. Срезневский) поставили проблему восстановления недошедших древнейших «летописей» на основании «летописей» сохранившихся; они начали и сравнительное изучение русских и иностранных летописей, в частности отметили оригинальность, самобытность и значительные художественные достоинства русских летописей в сравнении с современным летописанием других европейских стран, в большинстве которых хроники писались на непонятном народу латинском языке.

При всём том дворянская и буржуазная либерально-монархическая историография была бессильна поставить вопрос о значении и смысле

⁵³ А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, стр. 112.

⁵⁴ А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, стр. 37. СПб. 1899.

⁵⁵ А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. III—IV. СПб. 1908.

⁵⁶ И. Срезневский. Чтения о древних русских летописях. Приложения к тому II «Записок» АН, № 4, стр. 2. СПб. 1862.

летописи как памятника идеологии феодальной эпохи и даже как памятника политической борьбы, имеющего сложный состав, а в отдельных частях и пластах отражающего политические воззрения сменяющихся авторов. Напротив, представители этой историографии постоянно подчёркивали, что «Нестор» описал нам древнейшую Русь без прикрас и умствований»⁵⁷, и кроме того полно отразил «самую важную» сторону жизни Руси — «религиозную жизнь князей и народа»⁵⁸.

Неуспех глубоко ошибочной⁵⁹ попытки чуждого России историка и филолога А. Л. Шлёцера «очистить» текст древнего «Нестора» от наслоений, внесённых якобы безграмотными переписчиками, равно как и полная неудача научно несостоятельного стремления М. Т. Каченовского и его сторонников (общественно-политическая сущность этого направления в русской науке ещё не изучена) вообще зачеркнуть древнейшее русское летописание лишь упрочили позиции господствовавшего в русской историографии направления⁶⁰.

Только революционно-демократическое направление русской историографии поднялось до оценки летописей как памятников политической борьбы, отражающих прежде всего интересы социальных верхов общества⁶¹.

Так, Н. А. Добролюбов писал: «История не сочиняется, а составляется по данным, сохранившимся более всего в письменных памятниках. А что представляла историку наша древняя письменность?.. в ней принимали участие только два малочисленнейшие класса народа (представители знати и духовенства. — В. П.) и их только интересы выражались в ней. Следовательно, истории народа по данным летописным составить было невозможно, если человек не умел, как говорится, читать между строк»⁶².

Н. Г. Чернышевский также отмечал, что летописи ограничиваются описанием жизни князей и знати древней Руси и упорно молчат о жизни народных масс⁶³.

Ключ к научному пониманию и самой феодальной формации и её идеологии, а значит, и к единственно правильному источниковедческому изучению летописей как памятников феодальной идеологии дали труды классиков марксизма-ленинизма, которые вели непримиримую борьбу с дворянской и буржуазной историографией.

Не может быть сомнений в том, что труды Шахматова в отношении методологии были прямым продолжением дворянской и либерально-монархической историографии. Но в то же время работы Шахматова открыли новый этап в истории буржуазной науки о летописях. До появления работ Шахматова летописи и летописные «своды» рассматривались и в русской и в зарубежной (школа К. Лахмана) науке как случайные, механические соединения разнообразного материала, как некие архивы, в которых хранятся «следы погибших для нас произведений»⁶⁴. А. А. Шах-

⁵⁷ См. И. Беляев. О Несторовой летописи. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» № 5, стр. 2. М. 1847.

⁵⁸ Там же, стр. 47.

⁵⁹ Формальная ошибочность его метода была отмечена известным чешским славистом-патриотом И. Добровским (1753—1829). См. J. Dobrowsky. Wie soll Nestorschronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden. Опубликовано в виде приложения к книге J. Müller. Altrussische Geschichte nach Nestor, S. 1—46; ср. S. 6, 31. Berlin. 1812.

⁶⁰ См. об этом И. Беляев. Указ. соч., стр. 2.

⁶¹ О глубоких высказываниях дворянских революционеров по этому вопросу см. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории» № 12 за 1950 г., стр. 42—43, ср. стр. 38.

⁶² Н. Добролюбов. Соч. Т. I, стр. 232. М. 1934.

Приношу глубокую благодарность В. Е. Илерицкому, любезно обратившему моё внимание на эти важные высказывания. — В. П.

⁶³ Н. Чернышевский. Соч. Т. II, стр. 329. М. 1949.

⁶⁴ См. К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в., стр. 87, прим. СПб. 1868.

матов предложил рассматривать летопись как памятник сложный, имеющий литературную историю, и считал нужным изучать любую часть его лишь в неразрывной связи с литературной историей всей летописи, как правило, являвшейся, в свою очередь, не конечным продуктом литературного творчества, а лишь отражением определённого этапа в развитии общерусского летописания. Следовательно, изучение любого частного летописного сюжета требовало, по мнению Шахматова, знания всей литературной истории русского летописания. Это была, бесспорно, новая в дворянско-буржуазной историографии и ценная мысль; её применение к анализу летописей позволило Шахматову серьёзно продвинуть исследование русского летописания в сравнении с тем, что было сделано в дворянско-буржуазной историографии до него. Используя эту мысль, Шахматов открыл буржуазной историографии возможность производить сравнительно текстологические исследования, в определённой мере сохранившие свою ценность и поныне.

«Наши летописи,— писал Шахматов,— не были официальными актами, памятными записками, механической сшивкой разнородного материала — это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала — предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами сказаний, известных по другим памятникам. Большинство наших летописных сводов безмянно, но тем не менее характер их таков, что исследование каждого из них должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельств, при которых он работал). Можно с уверенностью сказать, что все дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других, более древних сводов, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительному) этих основных сводов; дальнейшее исследование должно открывать, не происходят ли такие основные своды из сводов ещё более древних и первоначальных»⁶⁵.

Поскольку летописный свод «составлялся на основании каких-нибудь литературных произведений, частью же на основании устного предания, народных сказаний, рассказов современников», постольку при анализе его состава должны «получиться данные, свидетельствующие, с одной стороны, о более древних литературных произведениях, с другой — о народных сказаниях и устных рассказах, существовавших в эпоху составления свода»⁶⁶. Нетрудно заметить, что подход Шахматова к летописи открывал возможность хронологически углубить «литературную» историю летописания (а значит, и самую историю страны).

Из изложенного делался правильный вывод, что, «замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение, и что единственно надёжным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический»⁶⁷. Раскрывая своё понимание сравнительно-исторического пути, Шахматов писал: «Главной задачей исследователя летописных сводов, как вообще всяких литературных памятников, должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками, причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть от взаимного друг на друга влияния этих памятников. Без такой предварительной работы немыслимы никакие общие характеристики памятника: действительно, то самое, что исследователь, ограничившийся изучением

⁶⁵ А. Шахматов. Разбор сочинений И. А. Тихомирова о летописании северо-восточной Руси, московском и тверском. «Записки АН по историко-филологическому отделению». Т. IV, № 2, стр. 108. 1899. (Разрядка моя. — В. П.)

⁶⁶ Там же, стр. 108—109.

⁶⁷ Там же, стр. 118.

одного какого-нибудь памятника, считает характеристичным именно для него, при дальнейшем расширении наблюдений, может оказаться заимствованным из других современных или более древних произведений»⁶⁸.

Следует отметить, что в трактовке Шахматова «взаимная связь», «общее происхождение» памятников, их «взаимное влияние друг на друга» и здесь и в дальнейшем мыслятся без сознательного вмешательства людей, как представителей определённых классов или классовых групп. Это характерная черта всех трудов А. А. Шахматова. Поэтому научно правильнее называть исследования Шахматова о летописях не сравнительно-историческими, а сравнительно-текстологическими: он сравнивал «своды» не как исторические памятники сложного состава, проникнутые определённой идеологией, а лишь как синхронные этапы «литературной» формально-текстологической работы.

Но всё же новый, более правильный взгляд на летописи позволил Шахматову подвергнуть критике существовавшие тогда приёмы летописного источниковедения. Особенно ярко это было сделано им в разборе сочинений И. А. Тихомирова, одного из виднейших представителей старого направления в источниковедении. И. А. Тихомиров, изучив, например, состав Лаврентьевской летописи как «сборника», пришёл к выводу, что в состав «Лаврентьевского свода», «кроме «Повести временных лет» и южно-русских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских»⁶⁹.

Исследование Тихомирова «можно рассматривать как исследование обрывков, остатков летописей северо-восточной Руси»⁷⁰, сохранившихся в «Лаврентьевском сборнике», — иронически писал Шахматов. Убогие выводы автора он расценил как «непрочные и не внушающие к себе доверия»⁷¹, а о приёмах исследования писал, что Тихомиров «не задается целью объяснить происхождение Лаврентьевского сборника, не пытается указать, как ие рукописные источники послужили при составлении этого свода, в каких именно памятниках сводчик находил, с одной стороны, ростовские, с другой — владимирские и др. погодные записи, не старается, наконец, выяснить, предшествовал ли исследуемому своду XIV в. другой, более древний свод XII или XIII в. «подобно тому, как в основании его лежит свод, составленный в начале XII века, — Повесть временных лет»⁷².

Тихомиров, по мнению рецензента, «не попытался определить эти следовавшие друг за другом своды», он «не размотал сложного клубка, составившегося окончательно в XIV веке, ограничившись указанием на то, что клубок состоит из ниток разного цвета, разной доброты»⁷³. «Оригинальной особенностью» исследований Тихомирова Шахматов считал то, что он «не интересуется памятниками самими по себе»⁷⁴, а занят лишь «определением внутреннего состава свода, разложением его на первоначальные источники — погодные записи и сказания»⁷⁵, на некие «неделимые элементы»⁷⁶. Подводя итог рассмотрению работ Тихомирова, Шахматов полагал, что общим заключением автора будет «трудно подыскать

⁶⁸ Там же, стр. 177. (Разрядка моя. — В. П.)

⁶⁹ И. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП). Ч. 235, отд. 2, стр. 270.

⁷⁰ А. Шахматов. Разбор сочинений И. А. Тихомирова..., стр. 103.

⁷¹ Там же, стр. 119.

⁷² Там же, стр. 105. (Разрядка моя. — В. П.)

⁷³ Там же, стр. 110.

⁷⁴ Там же, стр. 233.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 236.

подходящее место в будущем историко-литературном обозрении наших летописей»⁷⁷.

При всём том буржуазное мирозерцание Шахматова, разумеется, определило его собственное понимание общественно-политического и идейного смысла летописей в тех случаях, когда он сам ставил вопрос об исторических условиях развития летописания и о его содержании.

Кроме того, подойдя к летописи, к исторической хронике не как к памятнику историческому, а лишь как к литературному, А. А. Шахматов тем самым в значительной мере лишил себя возможности истолковать его основной исторический смысл даже с позиций буржуазного источниковедения. Ибо хотя вполне возможно исследование отдельных частей летописей (и даже летописей в целом) как явлений литературных, художественных, летописи — прежде всего, конечно, памятники исторические.

Нельзя признать основательными безоговорочные заявления историографов Шахматова о нарастающем развитии в его творчестве элементов историзма потому, что, во-первых, выше мы познакомились с характером этого «историзма», не оставляющего сомнений в том, что при глубоко идеалистическом понимании явлений, так сказать, «базисных», Шахматов не мог и отдалённо постигнуть смысл идеологии, общественно-политической мысли древней Руси, во-вторых, сам Шахматов чётко отделял свой подход к летописному источнику от подхода исторического.

«Позволю себе отметить,— писал он в 1913 г. В. А. Пархоменко,— следующее существенное различие между нашими исследованиями. Я историк литературы или, точнее, стремлюсь быть таковым в своих работах по летописи. Вы историк. Я постигаю литературные факты. Вы стремитесь постичь факты исторические... Истор[ические] факты дошли до нас в литер[атурной] традиции, в литературных памятниках, они светят сквозь тусклую призму литер[атурных] памятников. Выделению исторических фактов должна предшествовать работа над литерат[урным] составом источников»⁷⁸.

Это положение ошибочно потому, что для «постижения» исторических фактов, содержащихся в летописи — исторической хронике, вовсе нет нужды в первоочередном изучении её как литературного произведения; напротив, только изучая историческую хронику как таковую, можно правильно понять её основной, исторический смысл.

Будучи прежде всего языковедом, Шахматов решил применить к анализу летописи исследовательские приёмы буржуазного языкознания. В их основе лежала следующая посылка: как сравнение двух родственных языков приводит к определению элементов, общих обоим языкам, то есть элементов «проязыка», так и сравнение двух родственных списков летописей должно приводить к определению суммы разночтений, восходящих к протографу сравниваемых списков.

Это позволило Шахматову создать большое число сравнительно-текстологических исследований летописей. Но Шахматов был бессилён понять внутреннюю политическую, классовую сущность тех текстологических различий, которые он выявил. Правда, А. А. Шахматов дошёл и до понимания того, что летопись могла быть памятником официальной княжеской историографии (эта мысль высказывалась ещё И. Д. Беляевым). Нередко, замечал он, «летопись велась при дворе того или другого князя; политическое значение князя определяло содержание и характер летописи; его походы, политические успехи, благочестивые деяния, родственные связи и т. д. — вот что вызывало запись и служило основанием для летописи»⁷⁹.

⁷⁷ Там же, стр. 234.

⁷⁸ В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим, стр. 127.

⁷⁹ А. Шахматов. Разбор сочинений И. А. Тихомирова..., стр. 107—108.

Но даже весьма умеренный вывод о том, что политика определяла содержание летописных сводов, Шахматов не решился признать в качестве вывода общего. «Впрочем, я далек от мысли,— писал он,— обобщать черты некоторых дошедших до нас летописей и распространять их на всё древнее летописание. Во-первых, не всегда события передавались с тою или другою субъективною окраской, зависевшей от симпатии или антипатии к тому или другому князю; поэтому по некоторым летописным сводам никоим образом нельзя заключить, вокруг какой политической личности они составлены; во-вторых, мы имеем прямые указания на существование летописей не княжеских (таковы, например, новгородские летописи)»⁸⁰.

Из приведённого высказывания видно, что Шахматов допускал существование летописных «сводов», лишённых политического смысла, а также отказывался искать его в не княжеских летописях.

В дальнейшем Шахматов эволюционировал в этом вопросе вместе со всей русской либерально-монархической историографией — в сторону ещё более махрового идеализма. Сурово и справедливо критикуя предшествовавшее источниковедение и его позднейших представителей — Н. Шлякова⁸¹, С. К. Шамбинаго⁸² и др., — отрывавших исследование отдельных летописных памятников от анализа тех сводов, в составе которых они дошли, Шахматов в то же время ещё отчётливее сформулировал свой отказ от изучения летописей в их связи с историей общественно-политической жизни.

«Я упрекаю автора и за то,— писал он по поводу работы С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», — что он совсем не касается той литературной среды, в которой возникали и вращались остановившие на себе его внимание повести»⁸³. И делал весьма знаменательную оговорку: «Под литературной средой разумею не людей, не общественные круги, отдаленные от нас веками и недоступные нашему исследованию,— мы разумею под ней тот состав сборников и сводов, где обретаются эти повести»⁸⁴. Идея, безусловно, характерная для второго этапа творчества Шахматова, приходящегося на время реакции, наступившей после поражения первой русской революции.

В. И. Ленин вскрыл классовый смысл подобных писаний буржуазных учёных, напуганных мощными революционными выступлениями в первой русской революции: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл... модного буржуазного скептицизма... мертвой и мертвящей схоластики»⁸⁵.

Построения Шахматова, как увидим ниже, были сочетанием весьма точных сравнительно-текстологических исследований и почти полного бессилия осмыслить их результаты. Схемы Шахматова лишь слепо отражали ход текстологических сравнений и были, по существу, глубоко формальны, внеисторичны и потому крайне неустойчивы. Обладая большой научной скромностью, Шахматов даже сам называл их «научными фикциями»⁸⁶ и требовал отношения к ним «прежде всего» критического⁸⁷.

⁸⁰ Там же. (Разрядка моя.— В. П.)

⁸¹ См. сборник ОРЯС АН. Т. 73, № 3, стр. 6—7. СПб. 1903.

⁸² См. Отчет о XII присуждении по ОРЯС АН премии митр. Макария, стр. 143. СПб. 1910.

⁸³ Там же, стр. 84.

⁸⁴ Там же, стр. 85. (Разрядка моя.— В. П.)

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 179.

⁸⁶ А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. «Научный исторический журнал». Т. 2, вып. 2-й, № 4, стр. 45. СПб. 1914; ср. там же. Т. 2, вып. 1-й, № 3, стр. 137.

⁸⁷ Там же, стр. 45.

Отдельные попытки Шахматова дать какое-либо смысловое объяснение полученным им чисто механическим путём построениям были произвольны как в деталях, где он широко применял конъектуральную критику, стремясь к «естественному истолкованию» «простого смысла»⁸⁸ текста, в отрыве от общей тенденции источника, в составе которого он сохранился, так и в целом.

Следовательно, Шахматов хотя и поставил вопрос об изучении развития летописания, его истории, но эту историю он понимал в духе буржуазной историографии периода империализма. Поэтому исследования Шахматова, несмотря на их внешнюю широту и историчность, были глубоко формальны, ибо различие («история») выделенных им «редакций» и «сводов» было основано прежде всего на количестве филологических признаков (редакции и своды «распространенные», «сокращенные» и т. п.) при тщательном уходе от ответа на вопрос о качестве, смысле летописного свода, о том, кем (не по имени, а по классовому положению), когда и почему, на какой классовой, политической основе создан летописный памятник или произведена та или иная его переработка (редакция).

Поэтому внешне блестящие и весьма сложные обобщающие схемы Шахматова, по существу, формальны и построены на глубоко идеалистическом понимании истории. Поэтому настоятельно необходим их полный критический пересмотр с позиций марксистского понимания идейно-политического смысла средневековой историографии. Оценка всех выводов Шахматова, в частности, достоверности его обобщающих схем — задача наших источниковедов, далеко выходящая за рамки статьи.

Самое общее рассмотрение собственно исследовательских работ Шахматова лишь подтверждает вышеприведенные выводы, сделанные на основе его, так сказать, методологических высказываний.

Когда А. А. Шахматов выступил в 1897 г. с серией статей о летописях⁸⁹, он уже имел вчерне выработанную общую схему развития русского летописания; этим объясняется смысл заявления, открывающего одну из его ранних работ. «Настоящее исследование,— писал Шахматов,— исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны. Развитие этих положений, думаю, равносильно их доказательству»⁹⁰.

В соответствии с традицией предшествующей дворянской историографии А. А. Шахматов занялся преимущественно изучением «Повести временных лет», исследуя её отражение во всех доступных ему изданиях и рукописных собраниях.

Исходя из мысли о том, что летописи представляют собою «своды», Шахматов высказал утверждение, что «Повесть временных лет» не является сборником разнородных текстов, а представляет собой свод, притом не самый древний, ибо в основании её «лежит древнейший летописный свод, составленный во второй половине XI в.»; что и сама «Повесть временных лет» имела ряд «редакций», в частности, редакцию 1116 г. (отразившуюся в списках Лаврентьевском и сходных) и 1118 г. (отразившуюся в списках Ипатьевском и сходных и Софийской I и сходных)⁹¹.

⁸⁸ См. там же, стр. 32.

⁸⁹ См. А. Шахматов. Исходная точка летоисчисления «Повести временных лет». ЖМНП № 3 за 1897 г., стр. 217—222; его же. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП № 4 за 1897 г.; его же. О начальном Киевском летописном своде. Чтения в об-ве истории и древностей российских, кн. 3-я за 1897 г., разд. III, стр. 1—58; его же. Киевопечерский патерик и Печерская летопись. ИОРЯС АН. Т. II, кн. 3-я. 1897, стр. 795—844; его же. Древнейшие редакции «Повести временных лет». ЖМНП № 10 за 1897 г., стр. 209—259.

⁹⁰ А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов, стр. 463.

⁹¹ См. там же, стр. 464.

Как же обосновывал этот вывод Шахматов, в чём он видел различия между «редакциями»? Вторая редакция, по его мнению, «отличается от первой в сохранившихся списках тем, что доводит летописный рассказ не до 1110 года, а до 1118 года, так же некоторыми существенными вариантами в тексте»⁹²; под «вариантами» понимаются не смысловые, а текстологические различия. Далее, отметив, что между первой и второй «редакциями» есть и текстологическое сходство, Шахматов высказал мнение, что это сходство «можно объяснить только взаимным влиянием», и ниже раскрывает своё понимание этого «влияния». «Итак,— писал Шахматов,— Лаврентьевский и сход.— это списки первой редакции, подвергшиеся влиянию списков второй редакции; Ипатьевский и сход.— это списки второй редакции, подвергшиеся влиянию списков первой редакции; Софийская I... и сход.— это списки второй редакции, изменившие много мест в первоначальном тексте под влиянием Софийского временника, заключавшего в себе Начальный свод»⁹³. Говоря далее об отличии списков Лаврентьевского и сходных и Ипатьевского и сходных от Софийской I и сходных, Шахматов полагал, что «в них, вследствие разных исправлений текста, оказываются сокращения в известиях, перенесенных, по требованию второй редакции, с одного года на другой»⁹⁴.

Нетрудно заметить, что всё это построение Шахматова стоит не только за гранью историзма, но и вообще смыслового анализа: «списки» «влияют» на «списки», «редакции» «требуют» изменений от «редакций».

Имея лишь формальную исходную основу исследования, Шахматов возвёл на ней своё хрупкое и шаткое здание общих схем. В этой связи можно коснуться новгородского летописания, к которому Шахматов обратился потому, что справедливо увидел в нём ценный источник для изучения той же «Повести временных лет». Шахматов много сделал для хронологического изучения летописания Новгородской феодальной республики; провёл немало текстологических сравнений новгородских летописей с летописями других политических центров; обратил внимание на возможное участие в новгородском летописании ряда упомянутых в нём лиц — Германа Вояты, Кирика, Тимофея, М. М. Кусова,— но он не вскрыл ни специфики новгородского летописания, ни его смысла, ни его истории. Он и не мог как буржуазный источниковед решить эти вопросы.

Считая, например, новгородский извод (Софийская I и сходные) «Повести временных лет» самым первоначальным, Шахматов в то же время искал объяснение его сходства с другими списками в том, что «списки Софийской I летописи подвергались влиянию различных списков «Повести временных лет»: влияние это вызвало исправление, распространение, сокращение целого ряда мест» в первоначальном тексте новгородского извода «Повести временных лет». «Своды» и «редакции» новгородского летописания, как и летописания киевского, мыслятся как «возникающие», «продолжающиеся», «обосложняющиеся», «сокращающиеся» в полном отрыве и от истории Новгорода и от самого смысла этих «сводов»⁹⁵.

Характерно в этом смысле отношение Шахматова к «Софийскому временнику», составляющему одно из существенных звеньев всех его построений. По мнению Шахматова, как справедливо указал Д. С. Лихачёв, в Новгороде «нашелся» текст давно вышедшего из употребления

⁹² Там же. (Разрядка моя.— В. П.)

⁹³ Там же. (Разрядка моя.— В. П.)

⁹⁴ Там же, стр. 481. (Разрядка моя.— В. П.)

⁹⁵ См. А. Шахматов. Древнейшие редакции «Повести временных лет», стр. 212 и сл.; ср. его же. О начальном Киевском летописном своде. Указ. издание.

«Начального свода» и притом в дефектном экземпляре. Этот случайный текст и был случайно же (не то в начале XIII в., а может быть, в 1421, 1424, 1432 или 1434 гг.) привлечён для пополнения владичной летописи⁹⁶. Датировка «Софийского временника» причудливо менялась в зависимости от новых текстологических сопоставлений, потому что она не имела корней в истории Новгорода и в содержании смысла самого временника. Таким образом, обращение к новгородскому летописанию не дало ключа к решению проблемы «Повести временных лет».

Бессилен оказался Шахматов дать и объяснение причин схождения списков трёх важнейших летописей: Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской. До последних своих дней он рассматривал Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи как «сборники»⁹⁷, состоявшие каждый из трёх частей. Ипатьевскую летопись он делил на «Повесть временных лет», Киевский «свод» конца XII в. и галицко-волынскую летопись конца XIII или начала XIV в., Лаврентьевскую — на «Повесть временных лет», владимирский свод XIII в. и ростовскую летопись XIV века. В лекционном курсе 1918—1919 гг., посвящённом анализу источников «Повести временных лет», Шахматов внёс лишь некоторые, несущественные оговорки в оценку Лаврентьевской летописи, заметив, что «едва ли возможно совершенно механическое разграничение» между её частями, так как, «переписывая Владимирский свод, Лаврентий мог исправить его по общерусскому своду; равным образом, переписывая ростовскую летопись, он и в неё мог внести несколько известий из соответствующих частей того же общерусского свода»⁹⁸.

Ввиду такого отношения, в частности, к Ипатьевской летописи Шахматов, не вдаваясь в анализ её смысла, оборвал Киевскую летопись на известии о стене Выдубецкого монастыря и тем самым лишил себя возможности понять, что «южная» редакция «Повести временных лет» должна анализироваться прежде всего как составная часть волынского свода 40-х годов XIII в. и его последующих редакций.

Отсюда пронстекли, по крайней мере, два следствия. Одно заключалось в том, что при исследовании «Повести временных лет» Шахматов не анализировал непосредственно продолжающие её своды XII—XIII вв. и не изучал их возможное «влияние» на текст «Повести временных лет». Самые «редакции» этого памятника поэтому оказывались производными механического сопоставления текстов «Повести», входивших к тому же в состав различных по своему политическому смыслу сводов (волынского, владимирского или, быть может, тверского и новгородского).

В этой связи весьма показательна трактовка Шахматовым известной повести попа Василия. При указанном подходе к источникам изучения этой повести (в отрыве от упущенного Шахматовым «предисловия» к «Ипатьевской летописи», составленного летописцем Даниилом Романовичем, и от исследования судеб галицко-волынского летописания XII—XIII вв.) Шахматов был лишён возможности уложить её в свою схему «редакций» «Повести временных лет»⁹⁹.

⁹⁶ См. Д. Лихачёв. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. «Исторические записки» АН СССР. Т. 25, стр. 241, 251—252. 1948.

⁹⁷ См. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I, стр. III. П. 1916.

⁹⁸ А. Шахматов. Повесть временных лет и её источники. «Труды» отдела древнерусской литературы Института литературы. Т. IV, стр. 14—15. М.-Л. 1940.

⁹⁹ А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись. ЖМНП № 3 за 1898 г., стр. 145; ср. его же. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвящённый В. И. Ламанскому, ч. II, стр. 1132. СПб. 1908 (Василий признан автором «Начального свода» конца XI — начала XII в.); ср. его же. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. ИОРЯС АН. Т. XIII, стр. 254—256. СПб. 1909 («некий Василий» в 1113—1116 гг. перерабатывает летопись Нестора); ср. его же. Нестор-летописец. Привіт Іванови Франкови в сорокалітє його письменської праці. Літературно-науковий збірник, стр. 38. Львів. 1916 (поп Василий, может быть, духовник

Другим следствием бессилия Шахматова вскрыть смысл и внутреннюю взаимосвязь летописания на Руси в XII—XIII вв. явилась необходимость искать объяснение причин того или иного сходства киевского, владимирского и новгородского летописания XI—XII вв. прежде всего в летописании XIV—XV веков. Если исследование более позднего летописания и не укрепило выводов Шахматова о летописании XI—XIII вв., то само по себе оно весьма показательно для изучения источникововедения Шахматова.

Исследуя летописание XIV—XV вв., Шахматов проделал огромную текстологическую работу, сравнивая и изучая многочисленные списки, их хронологию, объём содержания и т. п. Им были впервые исследованы списки Симеоновской¹⁰⁰, Радзивилловской¹⁰¹, Ермолинской¹⁰², так называемой Ростовской¹⁰³ и ряда других летописей, в результате чего внесены важные изменения в картину текстологических взаимоотношений многих памятников летописания. Сделал Шахматов и ряд ценных наблюдений над содержанием хронографов¹⁰⁴, но общую историю хронографов и их смысл ему раскрыть не удалось¹⁰⁵.

Анализ работы Шахматова над так называемым московским летописанием позволяет отметить первую попытку с его стороны дополнить текстологический анализ анализом смысловым, позволять дать и оценку этой попытке.

Ещё разбирая сочинения И. А. Тихомирова, Шахматов обратил внимание на его слова о том, что, «включив в свои границы территорию княжеств, Москва вместе с тем включила в свои летописные своды и их историю», и заметил: «Исследователю, напавшему на удачное сравнение, подметившему существующее в действительности соотношение между историей Москвы и её историческими памятниками, следовало проследить оба явления — рост Москвы и развитие её летописания — в их процессе».

Наиболее крупным опытом решения этого вопроса и была первая из основных работ Шахматова — «Общерусские летописные своды XIV и XV веков» (1900)¹⁰⁶.

Основываясь на буржуазной трактовке русской истории, Шахматов признал «замечательным» тот факт, что в Москве появились летописные своды общерусского характера (Троицкая летопись) в начале XV в., то есть, по мнению Шахматова, «задолго до приобретения этим городом общерусского политического значения»¹⁰⁷. Москва, полагал Шахматов,

князя Василько, ознакомился в Перемышле со сводом Сильвестра; это «побудило» его написать повесть, которая попала в Киев и была включена самостоятельным куском в третью редакцию «Повести временных лет»; ср. его же. Повесть временных лет и ее источники, стр. 28 (рассказ попа Василия вставил в «Повесть временных лет» Сильвестр).

¹⁰⁰ См. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. ИОРЯС АН. Т. V, кн. 2-я. 1900.

¹⁰¹ См. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, 1902 (оттиск из № 118 изд. об-ва любителей древней письменности); ср. его же. Замечка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. Сборник в честь Д. Н. Анучина. М. 1913 (солидаризацию Шахматова с искусствоведами-компаративистами см. там же, стр. 71).

¹⁰² См. А. Шахматов. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. ИОРЯС АН. Т. VIII, кн. 4-я, стр. 72—96. 1903; т. IX, кн. 1-я, стр. 366—423. 1904.

¹⁰³ См. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. «Чтения в об-ве истории и древностей российских», кн. 1-я (208). М. 1904.

¹⁰⁴ См. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. ИОРЯС АН. Т. IV, кн. 1-я, стр. 200—222. СПб. 1899; его же. Пахомий Лагофет и Хронограф. ЖМНП № 1 за 1899 г., стр. 200—207.

¹⁰⁵ См. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. Сборник ИОРЯС АН. Т. 66, № 2, стр. 100; ср. стр. 81, 109—110. СПб. 1900.

¹⁰⁶ А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков, гл. I и II ЖМНП № 9 за 1900 г., стр. 90—176; гл. III и IV (№ 11 за 1900 г., стр. 135—200); гл. V (№ 11 за 1901 г., стр. 52—80).

¹⁰⁷ Там же, гл. I—II, стр. 90. (Разрядка моя.— В. П.)

тогда «еще не была общерусским центром: ни она сама, ни ее князь не могли еще сознавать своего государственного значения», а московский князь «не мог и подумать о создании общерусского свода: не говоря уже о том, что он еще не мог в то время проникнуться... идеей об единстве русской земли».

Вот почему вопрос «о характере московского летописания приобретает особенный интерес: он стоит в какой-то связи с политической жизнью Москвы, но как будто опережает события и свидетельствует об общерусских интересах, о единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей». И Шахматов задался целью «объяснить указанный характер древнейших московских летописных сводов и поставить его в действительную связь с идеями и интересами современной ему эпохи»¹⁰⁸.

Он пытался ответить на два вопроса: «1) когда именно возник общерусский свод, 2) при каких условиях, по чьему почину или распоряжению он мог составиться»¹⁰⁹. Сопоставив ряд списков и придя к выводу, что отраженный в них предполагаемый общерусский свод не включает событий позднее 1423 г., Шахматов этим годом и датировал полученный «свод»¹¹⁰; содержания «свода» он не анализировал. Переходя к ответу на второй вопрос, Шахматов, не без основания отметив, что частное лицо не могло бы собрать столь обширные общерусские материалы и что случайно они тоже сосредоточиться в Москве не могли, обратил внимание на то, что в основание свода «положена одна общая идея, общий замысел — представить летопись всей Руси, объять, насколько возможно, исторические памятники», «не брезгуя даже... произведениями народной словесности»¹¹¹.

Неосновательно¹¹² допустив, что этот свод «не стремился освещать события с точки зрения московских или других каких-либо интересов»¹¹³ и возник «путем механического соединения местных летописей русских в одно целое», Шахматов пришел к ответу и на второй вопрос: где жило это сознание единства русской земли и «кто мог быть его выразителем»? «Весь этот материал,— заключал он,— был обработан в канцелярии митрополита, причем не внесено никакой политической тенденции: князей было много, а митрополит один»¹¹⁴; имеется в виду грек Фотий, который, будучи якобы чужд княжеским распрям, «работает для сохранения единства русской церкви»¹¹⁵. Так «раскрыл» Шахматов «действительную связь» московского летописания с идеями и интересами эпохи.

¹⁰⁸ Там же, стр. 166, 91. (Разрядка моя. — В. П.)

¹⁰⁹ Там же, стр. 160.

¹¹⁰ См. там же, стр. 162; ср. стр. 153.

¹¹¹ Там же, стр. 163—164.

¹¹² Заметим, что даже наличие в своде неугодного московскому князю титулования его политических противников и некоторых отрицательных оценок его собственных действий (упоминаемых А. А. Шахматовым) не может явиться решающим доводом в пользу митрополичьего характера летописи. Для правильного решения вопроса необходимо предварительное изучение летописания за длительный исторический период в связи с классовой борьбой и внутриклассовыми противоречиями (события феодальной войны начала XV в.). В летопись проникали и более резкие антикняжеские выпады оппозиционной боярской знати (повесть об Едигее), по своей форме восходящие непосредственно или через новгородскую боярскую традицию к антикняжеским выступлениям киевской раннефеодальной знати и сохранившиеся в великокняжеском летописании (ср. «Повесть временных лет», ч. I, стр. 142. М.-Л. 1950; Новгородская первая летопись, стр. 103—104. М.-Л. 1950; Симеоновская летопись ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 155—159. СПб. 1913).

¹¹³ А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков, гл. I—II стр. 164.

¹¹⁴ Там же, стр. 164—167. (Разрядка моя. — В. П.)

¹¹⁵ Там же, стр. 167.

Шахматов попытался подойти к исследованию московского летописания исторически и поставил проблему его изучения как последовательной смены сводов княжеских (начиная со свода Ивана Калиты)¹¹⁶ и митрополичьих. Однако порочная исходная идея, основанная на идеализации церкви в духе, характерном для буржуазной историографии той эпохи, не позволила Шахматову дать подлинно научную историю московского летописания. Что касается самого «сравнительно-исторического» метода, то он остался прежним¹¹⁷.

Общий вывод из этого исследования Шахматова заключается «в предположении существования общерусских митрополичьих сводов, сменявших друг друга начиная с первой четверти XIV в. и завершившихся составлением полихрона 1423 г., незадолго до разделения русской церкви в середине XV ст.»¹¹⁸. Источником этого полихрона признаётся московский княжеский свод.

Естественно, что при таком подходе к изучению московского летописания Шахматов не мог раскрыть взаимосвязь памятников русского летописания XI—XIII вв.; не изменились существенно и представления Шахматова о «Повести временных лет»¹¹⁹.

Но если Шахматову и не удалось установить связь Ипатьевской и сходных летописей с Лаврентьевской и сходными летописями через мифический «Полихрон» начала XIV в.¹²⁰, то он всё же внёс много нового в текстологическое изучение московских летописей XV в. и, в частности, определил, что в их составе сохранился текст киевского летописания XII в., более исправный и полный, чем отразившийся в Ипатьевской и сходных. Так обстоит дело с изучением А. А. Шахматовым общерусского летописания XIV—XV веков.

Второй период творчества Шахматова начался с работ, посвящённых исследованию источников церковно-исторического характера¹²¹. Затем вышел в свет его второй основной труд — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». В этой работе собрано много новых источников, относящихся к русскому летописанию XI в. (1037—1073 гг.). Посвящённое, в сущности, очень узкой теме (истории летописания за несколько десятилетий XI в.), это большое исследование не вносит ничего принципиально нового в методологию Шахматова; оно, правда, характеризуется возросшим мастерством техники расслоения летописей, но притом в нём резко обнаруживается и мельчание приёмов исследования — рост применения конъектуральной критики. Решение, которое даётся в этой работе вопросу об историческом происхождении и политическом смысле выделяемых летописных материалов, вновь свидетельствует о буржуазной ограниченности источниковедческих работ Шахматова. Как составная часть буржуазной науки периода империализма, они характеризуются идеализмом, апологией церковщины, низкопоклонством перед иностранщиной.

¹¹⁶ Там же, гл. III—IV, стр. 197.

¹¹⁷ См., например, рассуждение Шахматова об истории новгородского летописания (отражённого в Новгородской IV и Софийской I летописях) в связи со «сводом» 1423 г. (А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков, гл. I—II, стр. 116—117).

¹¹⁸ Там же, гл. V, стр. 79—80.

¹¹⁹ См. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 20—21, 25.

¹²⁰ См. его же. Общерусские летописные своды XIV и XV веков, гл. III—IV, стр. 163 (о черниговской летописи конца XIII в. и о её «влиянии» в XIV в. на владимирско-суздальскую летопись, ср. стр. 170, где черниговская летопись — один из главных источников южнорусского «сборника XIII в.»); ср. его же. Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI веков, стр. 70—79. М.-Л. 1938; ср. его же. «Летописи», там же, стр. 365 (источником южнорусского «сборника» начала XIV в. назван московский митрополичий свод начала XIV в., который был составлен в целях «скрепления отдельных частей митрополии»).

¹²¹ См. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвящённый В. И. Ламанскому, ч. II, стр. 1029—1053. СПб. 1908; его же. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира. Сборник статей по славяноведению, посвящённый М. С. Дринову, стр. 63—74. Харьков. 1908.

Некритически следуя церковно-политическому освещению русской истории, имеющемуся в большинстве русских летописей, Шахматов фактически подчинил историю летописания истории русской церкви, рассматривая последнюю как некую внеклассовую законодательницу политической морали в древней Руси.

Появление первого русского летописного свода («Древнейший свод»), по мнению Шахматова, было вызвано учреждением в 1039 г. митрополии на Руси. Составление этого свода приписано одному из причетников митрополита — грека Феопемта¹²². В Новгороде появление летописания было связано с получением этим городом «учредительных» грамот от Ярослава Мудрого (в 1017 и 1036 гг.), укреплявших его самостоятельность. Но самые стремления Новгорода «к политической самостоятельности и к ограждению её договорами с правящим князем» объяснены «особенными условиями, в которых развивалась жизнь этого города», как якобы «наиболее доступного влияния западной цивилизации»¹²³. Однако, в целом, и это летописание не избегло участи киевского. Так, в 1050 г. была «окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода»¹²⁴. В Киеве следующими этапами летописания Шахматов счёл первый Киевопечерский свод иеромонаха Никона (1073 г.) и второй Киевопечерский («Начальный») свод (1095 г.), бывший «первым общерусским сводом» по характеру привлечённых известий¹²⁵. Общественно-политический смысл всех этих сводов толкуется Шахматовым в духе буржуазной историографии.

Вся книга проникнута идеализацией древнерусской церкви и монастырей — опорных пунктов феодальной церковной знати. Некритически следуя за летописью, Шахматов гипертрофировал роль Печерского монастыря в истории Руси. Говоря о «росте национальных сил духовных», Шахматов писал: «Этот рост, кроме яркого и видного побега в лице митрополита Иларiona... дал русскому обществу славную Печерскую обитель, основанную не князьями и боярами, а духовными подвигами таких представителей русского народа, как преп. Антоний и Феодосий. Летописание русской земли оказалось в руках этой обители»¹²⁶.

Когда же Шахматов касается «Начального свода» и содержащихся в нём обличений княжеской власти, то объяснения их он ищет во взаимоотношениях защищавшего якобы интересы всей Руси монастыря и нарушившего их князя. К сожалению, эта мысль Шахматова оказалась весьма живучей. И поныне анализ истории сложения «Повести временных лет» даётся вне связи с изучением классовой борьбы и внутриклассовых противоречий («старая», раннефеодальная знать и «молодая», феодальная дружина), развивавшихся во время кризиса раннефеодального государства и перехода к феодальной раздробленности. До сих пор идеология церковно-монастырской знати, повидимому, прикрывавшей свою консервативную оппозицию интересами народа, остаётся не изученной надлежащим образом.

После «Разысканий», уточняя свои выводы о «Повести временных лет»¹²⁷, Шахматов уже не касался общих проблем исследования лето-

¹²² См. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 416—418.

¹²³ Там же, стр. 529.

¹²⁴ Там же, стр. 531; ср. стр. 515.

¹²⁵ См. там же, стр. 532.

¹²⁶ Там же, стр. 419.

¹²⁷ В отношении сказаний о княгине Ольге (А. Шахматов. До питання про північні перекази за княгиню Ольгу. Юбилейний збірник в честь П. И. Житецкого, стр. 2—12. Киев. 1908); в отношении догворов с Византией (см. его же. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки нефилологического общества при Петроградском университете. Вып. VIII, стр. 385—407. Пгтр. 1915).

писания. Хотя у Шахматова в течение его почти двадцатилетней работы над летописями и были отдельные, притом неудачные, попытки связать историю летописания с собственно историей Руси, но сам он не придавал им почти никакого значения и при подведении общих итогов своих исследований оставался на почве формально текстологических сопоставлений. В этом отношении очень показательна его статья «Летописи», опубликованная в 1915 г. в XXV томе нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона¹²⁸. Здесь дано суммарное освещение эволюции летописных списков с перечнем их источников, а также с указанием сходства между ними. Всё, что относится у Шахматова к сравнительно-текстологическим соотношениям списков, их хронологии, объёму известий (в смысле «разночтений»), палеографии и т. п., имеет определённую научную ценность, всё же, что говорится о безликих «сводах» и «редакциях», должно быть принципиально пересмотрено.

В целом эта работа — отвлечённая, чисто формальная схема, чем-то сходная с известными нам рассуждениями Шахматова о перемещении племён по Восточной Европе. Здесь вместо племён — летописи, но их списки действуют вполне самостоятельно, они «обосложняются» и «восходят», «сокращают» и «дополняют» друг друга, «заимствуют» и «ложатся в основание», «отражаются» и «примыкают», «искажают» и даже «выделяют из себя редакции»¹²⁹, и всё это без какого бы то ни было целенаправленного участия политики, классов.

Опубликованная в 1916 г. третья основная работа Шахматова, посвящённая реконструкции текста «Повести временных лет», проливает некоторый дополнительный свет на его трактовку общественно-политического смысла летописания. К этому времени, как показывают сохранившиеся рукописи Шахматова, относится начало его углублённых занятий летописанием XII—XIII вв.; хотя результаты этих занятий ещё никак не отразились на его понимании редакций «Повести временных лет», но самые летописи своей бьющей в глаза тенденциозностью понудили Шахматова сделать следующее любопытное признание: «Из позднейших летописных сводов XII и XIII в., — писал он, — можем составить представление о том, как пристрастно они освещали современные события: рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения царства божия в земной юдоли, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы; если летописец был монахом, то тем большую свободу давал он своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной обители и чернечского стада, ее населявшего»¹³⁰.

Это характерное признание, хотя и облечённое в свойственную церковно-исторической литературе форму, лишней раз показывает, что всё написанное Шахматовым прежде о летописях совершенно ненадёжно, ибо он-то в своих исследованиях исходил из предположения, что летописцы и правдивы и непристрастны; во всяком случае, их действий, как тенденциозных, Шахматов не учитывал. Нужно заметить, что и высказанная здесь в такой благонамереннейшей форме давно известная ещё русской дворянско-революционной историографии начала XIX в. мысль о связи летописания с политикой, в конкретном приложении к источникам, трактовалась Шахматовым вульгарно, в духе идей самих источников, подчёркивавших примат «божественного» над «мирским», в духе идеализации церкви.

¹²⁸ Перепечатана в виде приложения к работе А. А. Шахматова. Обозрение..., стр. 361—372.

¹²⁹ Там же, стр. 367.

¹³⁰ А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XVI.

Понимая, что «отдельные монастыри, в силу разнообразных политических и экономических условий, стояли в ближайших отношениях к тому или иному князю» и зачастую становились «вотчинными архивами и политическими канцеляриями князя»¹³¹, Шахматов, однако, стремился «свести их участие в политике к некоему морально-этическому руководству обществом посредством, в частности, и летописания»¹³². Притом он продолжал идеализировать монастыри, в том числе и Печерский.

Сообщив, например, о переходе княжеского летописания при Мономахе в Выдубецкий монастырь, Шахматов следующим образом характеризует позиции монастыря Печерского: «Переход княжеского летописания в другой монастырь не мог не взволновать Печерскую обитель». Оказывается, что «с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира» и т. д.¹³³.

Классовая ограниченность, примитивность исторических взглядов Шахматова на вопросы взаимоотношений государства и церкви на Руси находятся в полном соответствии с уровнем его общеисторических воззрений, которые позволяли ему видеть в истории «только выдающиеся государственно-политические выступления и религиозную, вообще теоретическую, борьбу» и вынуждали при изображении данной исторической эпохи «разделять иллюзии этой эпохи»¹³⁴.

Следовательно, либерально-монархические общественно-политические взгляды Шахматова определили его место в русской буржуазной историографии эпохи империализма.

После Октябрьской социалистической революции Шахматов продолжал занятия источниковедением, о чём свидетельствует его работа, посвящённая путям исследования сохранившихся редакций «Истории Российской» В. Н. Татищева¹³⁵. Изучение этих редакций имеет, между прочим, то значение, что позволяет определить, насколько достоверны известия, встречающиеся у Татищева, но отсутствующие в ныне известных летописях. Шахматов указывал, что в архиве Академии наук «хранится рукопись первой редакции труда Татищева, где он был достоверен, где он точно следовал за своими источниками, где он не изобретал ни древних летописей, ни преданий»¹³⁶. Источниковедческая проверка исторического труда В. Н. Татищева, насколько нам известно, была проделана¹³⁷, но результаты её до сих пор не опубликованы.

Неопубликованные источниковедческие работы Шахматова, ставшие (благодаря М. Д. Приселкову, Н. Ф. Лаврову и Д. С. Лихачёву) известными после его смерти¹³⁸, не вносят ничего принципиально нового в оценку его исследований, но они имеют научную ценность благодаря обильному сравнительно-текстологическому материалу, который в них содержится.

Подведем итоги. Методология источниковедения Шахматова органически связана с его общественно-политическими и историческими взглядами и является методологией буржуазного либерально-монархического исследователя; она характеризуется отрывом изучения истории летописания

¹³¹ Там же, стр. XVI.

¹³² См. там же, стр. XVIII.

¹³³ Там же, стр. XVII. (Разрядка моя.— В. П.)

¹³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 29.

¹³⁵ См. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании Истории Российской В. Н. Татищева. «Дела и дни», кн. I, стр. 81—95. Пгтр. 1920.

¹³⁶ В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим, стр. 128.

¹³⁷ См. «Учёные записки» Ленинградского государственного университета. Серия историческая № 67 за 1941 г., стр. 12.

¹³⁸ См. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов в XIV—XV вв. М.—Л. 1938; его же. Повесть временных лет и ее источники, указ. изд.; его же. Киевский начальный свод 1095 г. Сб. «А. А. Шахматов», стр. 135—139; его же. Киевский летописный свод XII века, там же, стр. 105—115.

сания от истории общества, подменой его анализом, свойственным буржуазному же литературоведению; в рамках последнего эта методология характеризуется формальным отрывом основного изучаемого памятника «Повести временных лет» от состава и смысла летописных сводов, его сохранивших. Наконец, характерным для источниковедческих работ Шахматова является на начальном этапе его творчества полное отсутствие внимания к историческому содержанию исследуемых памятников, которое постепенно сменяется реакционной церковно-апологетической концепцией.

В какой мере научное наследство А. А. Шахматова может быть использовано советской наукой? Работы А. А. Шахматова по вопросам источниковедения летописей имеют, на наш взгляд, неоспоримое значение в следующих отношениях. Во-первых, Шахматов выдвинул важную мысль о летописях как исторически сложившихся «сводах», и хотя он не смог ни дать правильного определения основных признаков свода, ни осуществить со своих идеалистических позиций изучения истории летописания, как истории летописных сводов (то есть исторических памятников сложного состава, проникнутых определённой классовой, политической тенденцией), он получил возможность проводить формальное сравнительно-текстологическое изучение хронологически однородных списков и выделять путём их сравнения предшествующие этапы текстологической работы. Благодаря этому было хронологически углублено изучение истории русского летописания. Разработал Шахматов также и ряд других ценных приёмов расслоения летописных текстов (использование дублировок известий, переходных формул, хронологических ошибок, смены летописных стилей, почерков, приписок и перечней имён, особенностей языка, внутренних противоречий и т. п.).

Во-вторых, благодаря этим приёмам А. А. Шахматов написал большое число работ, содержащих сравнительно-текстологическое, а также хронологическое изучение многочисленных списков летописей; эти работы в их конкретной сравнительно-текстологической части при условии критической проверки с позиций марксистской методологии могут быть использованы и в нашей науке, так как сравнительно-текстологический материал составляет фактическую основу источниковедения.

В-третьих, А. А. Шахматов поставил проблему реконструкции древнейших и утраченных летописных текстов на основе текстов сохранившихся и попытался осуществить подобные реконструкции. Начатые ещё в 1898 г.¹³⁹ опыты реконструкции, разделяя основные пороки, свойственные исследованиям Шахматова, тянутся через всё его творчество¹⁴⁰ и завершаются попыткой восстановления первоначального вида «Повести временных лет».

К этому нужно добавить, что А. А. Шахматов ввёл в научный оборот большое число новых, имеющих крупное научное значение списков летописей (Радзивилловская, Симеоновская, Троицкая, так называемая Ростовская, Ермолинская и т. п.) и осуществил ряд для того времени превосходно текстологически исполненных изданий русских летописей (Ипатьевской, Симеоновской, Западнорусских, Новгородской IV и др.).

При жизни А. А. Шахматова его работы в области источниковедения летописей не получили общего рассмотрения, но пользовались широчайшим признанием буржуазной историографии¹⁴¹. Летописное источниковедение

¹³⁹ См. А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись. ЖМНП № 3 за 1898 г., стр. 105—149.

¹⁴⁰ См. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 539—629.

¹⁴¹ См. А. Пресняков. Древнерусское летописание. Летописное дело в XIV—XVI вв.; см. «История русской литературы до XIX в.». Т. I, под ред. А. Е. Грузин.

ведение А. А. Шахматова составило органическую часть кадетского направления в русской буржуазной историографии.

Теоретическое «обоснование» этого источниковедения на актовом материале с позиций неокантианства дал А. С. Лаппо-Данилевский¹⁴². Не случайно он, раскрывая своё понимание критики, «устанавливающей научно-историческую ценность источника как факта»¹⁴³, иллюстрировал его работами Шахматова. Лаппо-Данилевский тоже говорил об «истории» текста¹⁴⁴, его «генеалогии»¹⁴⁵, о «родстве источников»¹⁴⁶ и о восстановлении протографа-архетипа¹⁴⁷, но, как и Шахматов, он полностью снимал вопрос о классовом, политическом критерии достоверности источника.

Не случайно и то, что на базе шахматовского источниковедения сложились целое направление буржуазной церковно-политической историографии, представленное именами Е. В. Аничкова¹⁴⁸, В. А. Пархоменко, М. Д. Приселкова и других.

Для этого направления показательна, например, диссертация М. Д. Приселкова, который, как отмечали оппоненты, «весь вышел из трудов Шахматова». Её назначением было раскрыть «понимание отношения Руси к идеалу вселенской церкви»¹⁴⁹; нет нужды говорить, что под пером М. Д. Приселкова история Руси оказалась прежде всего историей церковно-политической. Это было крайне идеалистическое направление буржуазной историографии, показатель глубокого её кризиса.

В советскую эпоху летописное источниковедение, будучи лишь одной из составных частей источниковедения общенационального, представляет собой раздел советской исторической науки.

Основным, господствующим направлением в нашем источниковедении является марксистская историческая наука, которая, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, направляемая мудрыми указаниями И. В. Сталина, научно опровергла общеисторические концепции старой историографии, а тем самым обнажила полный крах буржуазного (в том числе летописного) источниковедения, раскрыв главное — его классовую, эксплуататорскую сущность.

Однако в специальной области историографии — летописном источниковедении — долгое время продолжало существовать направление, представители которого при анализе летописей не рассматривали их как исторический памятник феодальной идеологии и не исследовали их классового смысла, а основывались на работах Шахматова; притом часть исследователей отвергала представление о летописях даже как исторически сложившихся прагматических сводах.

Гениальные труды И. В. Сталина и мудрые указания большевистской партии позволили советским историкам глубже понять свои задачи и в области источниковедения и поставить вопрос о коренном пересмотре наследства старого, дворянско-буржуазного источниковедения.

ского. М. 1916; см. его же рецензию на книгу А. Шахматова. Повесть временных лет. «Русский исторический журнал». Т. I, кн. 1—2-я, 1917; ср. С. Бугославский. К вопросу о характере и объёме литературной деятельности преподобного Нестора. ИОРЯС АН, кн. 1 и 3-я за 1914 год.

¹⁴² Критику методологии А. С. Лаппо-Данилевского см. в статье Л. В. Черепнина «А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед». «Вопросы истории» № 8 за 1949 г., стр. 43—44 сл.

¹⁴³ А. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Вып. 2-й, стр. 530 и сл. СПб. 1913.

¹⁴⁴ См. там же, стр. 579.

¹⁴⁵ См. там же, стр. 590.

¹⁴⁶ См. там же, стр. 564.

¹⁴⁷ См. там же, стр. 572—585.

¹⁴⁸ См. отзыв А. А. Шахматова о его сочинении «Язычество и древнерусские проповеди». См. Сборник отзывов о премиях и наградах, присуждённых Академией наук. Т. V за 1910 г., стр. 115—119. Пггр. 1915.

¹⁴⁹ См. «Научный исторический журнал». Т. 2, вып. 1-й, № 3 за 1914 г., стр. 138.

Решение этих задач имеет первостепенное научное значение, ибо только на основе правильного, марксистского источниковедения могут быть созданы полноценные обобщающие исторические труды.

После опубликования исторических постановлений нашей партии по вопросам идеологии историки развернули работу по дальнейшему подъёму исторической науки, в частности, и по преодолению ошибок объективистского и космополитического характера. Встал вопрос и о летописном источниковедении, вопрос о коренном пересмотре отношения исследователей летописей к «наследству» А. А. Шахматова. На основе большевистской критики и самокритики началась перестройка в этой области исторической науки, однако перестройка эта ещё далеко не завершена.

Критическое рассмотрение истории летописного источниковедения советской эпохи — неотложная задача советских источниковедов. Решение этой задачи неразрывно связано с созданием марксистского учебного курса источниковедения.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ